

2. Пол ребенка. Известно, что мать и отец по-разному и с разным успехом воспитывают детей своего и противоположного пола, причем для мальчиков внесемейное окружение всегда важнее, чем для девочек.

3. Наличие других агентов социализации как внутри семьи, так и вне ее.

4. Специфические особенности межпоколенной трансмиссии культуры в данном обществе в данный исторический период, например насколько велики различия в условиях жизни и ценностных ориентациях поколения родителей и поколения детей.

5. Амбивалентность самих родительских чувств и отношения к детям. Сложившийся во второй половине XVIII в. детоцентризм общественной психологии означал усиление внимания к детям и заботы о них, но одновременно — ограничение их внутренней свободы, принудительную инфантилизацию, следствием чего явились пассивность и социальная безответственность, на которые горько жалуются современные родители, не понимая связи этих явлений с их, родителей, собственной воспитательной практикой.

6. Многочисленные и плохо изученные компенсаторные механизмы самой социализации, уравнивающие или сводящие на нет многие воспитательные усилия, например эффект встречной ролевой дополнителности, когда ребенок имеет перед глазами хороший родительский пример, но не вырабатывает у себя соответствующих навыков, так как семья в них не нуждается — родители все делают сами.

Проблемы эти весьма сложны и часто интерпретируются прямо противоположным образом, особенно на уровне глобальных теорий. С точки зрения психоанализа, ослабление отцовской власти в семье — величайшая социальная катастрофа, поскольку вместе с отцовством оказались подорванными все внешние и внутренние структуры власти, дисциплина, самообладание и стремление к совершенству. «Общество без отцов» означает демаскулинизацию мужчин, социальную анархию, пассивную вседозволенность и т. п.³⁶ С феминистской точки зрения, напротив, мы присутствуем при утверждении социального равенства полов, ослаблении агрессивных импульсов и общей гуманизации межличностных отношений. Глобальные теории, плодотворные для первоначальной, заостренной постановки вопросов, как правило, непригодны для их разрешения: из-за своей односторонности слишком многое оставляют вне поля зрения.

Провозглашенная XXVII съездом партии социальная политика, направленная на укрепление семьи, невозможна без правильного понимания и совершенствования отцовских и материнских функций. В данной статье только обозначены некоторые связанные с ними проблемы, в междисциплинарном изучении которых этнографии принадлежит одна из главных ролей.

³⁶ См., например, *Mitscherlich A. Society without the Father. A Contribution to Social Psychology. N. Y., 1970.*

Р. Я. Денисова

ПОПУЛЯЦИОННО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ЭТНОГЕНЕЗА

Этногенез в самой общей форме следует понимать как историю формирования этноса. С антропологической точки зрения этногенез традиционно рассматривается как история формирования антропологического состава изучаемого этноса. Раскрытие этого процесса требует значительной глубины ретроспективного анализа. Первоисточником в

таким анализе обычно является палеоантропологический материал, представляющий собой ряд последовательно сменяющихся хронологических срезов, позволяющих судить о протекавшем процессе расо- и этногенеза.

Основными хронологическими вехами в этих исследованиях служат археологическая периодизация или последовательно сменяющиеся археологические культуры. Поэтому вполне естественно, что антропологи, изучающие палеоантропологические серии, особое внимание уделяют археологическим сведениям об истории формирования тех или иных археологических культур или историческим источникам о переселении, миграции или характере межэтнических контактов, которые помогают выявлять хронологию качественных изменений в развитии антропологического состава этноса.

Сходным образом этногенез трактуется и в этнографической литературе, где он понимается как процесс развития этноса, включающий ряд «критических точек», или «перерывов постепенности», составляющих основу для типологической периодизации этнической истории¹.

Однако изучение проблем этногенеза осложняется тем, что процесс развития этноса протекает одновременно в трех сферах — биогенетической, этнокультурной и языковой — и «перерыв постепенности» в одной из них не обязательно сопровождается аналогичными изменениями в двух других. С одной стороны, именно это обстоятельство является источником противоречий в толковании проблем этногенеза, а с другой — согласованное исследование во всех упомянутых сферах дает объективную картину процесса развития того или иного этноса.

Нередки случаи, когда на границе двух этносов могут вовлекаться в круг брачных связей чужеродцы, что влечет за собой сближение антропологических типов таких этносов, но при этом может сохраняться языковая и культурная специфика каждого этноса в пределах их прежних этнических границ². В другом случае этнос может заимствовать культурные элементы и даже язык от соседей без непосредственного переселения людей, а следовательно, и без изменений в антропологическом составе. В случае миграции одного этноса на территорию другого судьба их в этнокультурной или языковой сферах может сложиться по-разному. Для того чтобы победил язык пришельцев, совсем не обязателен количественный перевес иммигрантов. Однако независимо от того, происходит ли в этом случае смена языка, меняется ли этническое самосознание и самоназвание, генофонд субстратного или суперстратного этноса не исчезает. Они взаимодействуют, что находит соответствующее отражение в их фенотипе. И в этом случае, конечно, количественное соотношение субстрата и суперстрата имеет определяющее значение. Эти примеры можно было бы умножить, но все они подтверждают неоднозначность процесса этногенеза.

Изучение этногенеза в антропологии, как и в любой другой отрасли знаний, прежде всего должно строиться на собственных теоретических предпосылках и соответствующих им методах исследования. Следует признать, что определение этногенеза как истории формирования антропологического состава этноса отражает только внешнюю сторону этого процесса и не раскрывает его генетической сущности. Археологические, этнографические или исторические сведения, указывающие на контакты или миграцию тех или иных коллективов людей, происходившие в определенное время на конкретной территории, не позволяют судить о том, отразились ли эти события на генетических процессах контактирующих групп населения. Изучение же палеоантропологических материалов должно выявить характер проявления таких контактов в генетиче-

¹ См. *Крюков М. В.* Эволюция этнического самосознания и проблема этногенеза// *Расы и народы*. 6. М., 1976. С. 42, 62, 63; *Крюков М. В., Софронов М. В., Чебоксаров Н. Н.* Древние китайцы. Проблемы этногенеза. М., 1978. С. 5.

² *Арутюнов С. А.* Этнические общности доклассовой эпохи// *Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе*. М., 1982. С. 74—77.

ской структуре населения, о чем можно судить по соответствующим фенотипическим изменениям.

Как известно, генетические процессы протекают в популяциях³. Поэтому изучение проблем этногенеза в антропологии должно осуществляться на популяционном уровне. Только популяционный подход позволит поставить изучение этногенеза на строгую научную основу⁴. Однако применение популяционной теории к такому своеобразному источнику, как палеоантропологические серии, фактически совсем не разработано.

Нам мало известно, что представляла собой палеопопуляция, чем была обусловлена ее внутренняя организация, какова была ее система, какие механизмы управляли ее воспроизводством, каков был характер соотношения популяции и этноса, и наконец, что собой представляют палеоантропологические серии. Без теоретического осмысления этих и многих других вопросов применение популяционной теории в анализе палеоантропологического материала останется всего лишь благим пожеланием.

В первую очередь остановимся на характеристике человеческой популяции в целом и ее отличительных особенностях в ряду биологических популяций.

В биологии воспроизведение популяции происходит по принципу случайности встречи родительских пар, когда каждая особь имеет одинаковый шанс скрещиваться с какой-либо особью противоположного пола. Иными словами, развитие биологической популяции в природе происходит без подбора родительских пар. В человеческой же популяции процесс воспроизводства потомства регулируется социальной сферой и строго регламентирован системой заключения браков. Именно социальный фактор определяет тот или иной круг брачных связей, который реализуется через семью.

В этом и заключается качественное отличие человеческой популяции от любой другой биологической популяции. Именно социальная система связей вообще и семейно-брачные нормы в частности и определяют круг брачных связей, территорию и границы любой отдельно взятой популяции.

Однако следует сказать, что человеческая популяция на пути своего развития претерпела ряд существенных качественных изменений. Поэтому можно с достаточным основанием говорить о том, что палеопопуляция в целом значительно отличалась от современной популяции, а эволюция основных показателей палеопопуляции находилась в тесной зависимости от закономерностей развития первобытного общества.

Основываясь на уже имеющихся исследованиях, можно утверждать, что между древними и современными популяциями выявляется значительное различие в демографической структуре. В древних популяциях был значительно сдвинут жизненный цикл в сторону ранних возрастов. Возрастная группа от 8 до 14 лет фактически являлась связующим звеном между детством и социальной зрелостью человека. Девочки, вступив в свой первый брак в 12—15 лет, переходили в категорию взрослых, юноши после 14—15 лет становились воинами. Ранние браки обуславливали более быструю смену поколений. Средняя продолжительность жизни женщины была примерно на 3—4 года ниже, чем у мужчин, т. е. ситуация в соотношении средней продолжительности жизни женщины и мужчин в первобытном обществе была противоположна современной. Для первобытного общества была характерна не только высокая детская смертность, но и низкая продолжительность жизни взрослого населения. Поэтому первобытное общество в целом было значительно моложе, чем современное.

³ Рычков Ю. Г., Яцук Е. В. Генетика и этногенез//Вопр. антропологии, 1980. Вып. 64. С. 23.

⁴ Алексеев В. П. Палеоантропология и история//Вопр. истории, 1985. № 1.

Проиллюстрируем сказанное конкретным примером. В эпоху бронзы на территории Латвии средняя продолжительность жизни (с учетом детской смертности) равнялась 21 году, а для взрослых мужчин и женщин этот показатель составлял соответственно 36 и 33 года⁵. К концу I тысячелетия н. э., т. е. почти через 2000 лет, в Прибалтике средняя продолжительность жизни взрослого мужского населения увеличилась на 4 года⁶ (в среднем на 2 года в тысячелетие).

Таким образом, демографическая структура палеопопуляций отличалась не только количественными показателями, но и качественными характеристиками. Поэтому недостаточно ограничиваться выявлением лишь средней продолжительности жизни палеопопуляций. Необходимо изучать их демографическую структуру на основе современной методики с построением таблиц смертности⁷, что позволит выявить основные характеристики и динамику демографической структуры палеопопуляций в различных регионах нашей страны.

Как уже отмечалось, изучение проблем этногенеза в антропологии строится преимущественно на палеоантропологическом материале, поэтому применение в этом случае популяционной теории требует в первую очередь установить в первобытном обществе характер соотношения этноса и популяции.

Значительный интерес представляет выявленная этнографами тесная взаимосвязь эндогамии и этноса. Признается, что именно эндогамия, обуславливая поколенную преемственность, является этностабилизирующим фактором, способствующим культурному обособлению данного этноса от других. Ю. В. Бромлей пишет, что «заключение из поколения в поколение браков в пределах замкнутой в брачном отношении общности людей, неизбежно влечет за собой усиление единообразия в самых различных сферах ее культуры»⁸. Таким образом, эндогамия, образуя генетический барьер этноса, «обуславливает наличие у каждого этноса сопряженной с ним популяции»⁹. Однако эндогамия — по своей сути биологическое явление — обуславливается не биологическим, а социальным фактором¹⁰, существующей социальной системой брачных связей. Именно в этом наглядно проявляется социальная сущность человеческой популяции. Это и обеспечивает полное единство этноса и популяции.

На определенном этапе развития популяции в границах одного этноса может наступить генетическое равновесие, т. е. ситуация, при которой антропологический тип может быть полностью отождествлен с конкретным этносом. Это подтверждает высказанное В. П. Алексеевым мнение о том, что в отдельных случаях, особенно на ранних этапах расо- и этногенеза, имеется сопряжение границ популяции, культурных традиций и языка¹¹.

Как свидетельствуют этнографические исследования, эндогамность характерна равным образом для этноса на всех ступенях его развития — как в доклассовом, так и в классовом обществе, т. е. для племени, народности и нации. Во всех этих случаях этнос представляет собой крупную популяцию. Но эндогамность этих этносов и сопряженных с ними популяций практически не бывает абсолютной и, как указывают этнографические данные, колеблется в пределах 80—99%¹². Такие пределы эндогамной замкнутости этноса не угрожают его самостоятельному развитию и сохранению этнической специфики. «Прорыв» эндогамности этноса влечет за собой одновременно нарушение генетического барьера

⁵ Денисова Р. Я., Граудонис Я. Я., Гравере Р. У. Кивуткалнский могильник эпохи бронзы. Рига, 1985. С. 139—151.

⁶ Чеснис Г. А. Антропология древнего населения Литвы: Автореф. дис. ... докт. биол. наук. Вильнюс, 1985. С. 23.

⁷ Ashadi G., Nemeskeri I. History of human life span and mortality. Budapest, 1970.

⁸ Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М., 1983. С. 207.

⁹ Там же. С. 207.

¹⁰ Там же. С. 207—210.

¹¹ Алексеев В. П. Историческая антропология. М., 1979. С. 167, 168; его же. О самом раннем этапе расообразования и этногенеза // Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. С. 51—53.

¹² Бромлей Ю. В. Указ. раб. С. 201—203.

этнoса и популяции. Однако «прорыв» генетического барьера популяции не абстрактное понятие, а достаточно конкретный механизм. Раскрытие его общих закономерностей и конкретных проявлений и должно составлять основу методологии этногенетических исследований в антропологии.

В этой связи нам предстоит отыскать то звено в популяционной системе, через которое происходит нарушение генетического барьера, популяции, и надлежит выявить механизм этого процесса с тем, чтобы популяционный подход к этногенетическим исследованиям на палеoантропологическом материале обрел достаточно конкретное содержание.

В первую очередь выясним, что представляет собой популяционная система в биологии.

Как известно, популяционная система в биологии выступает в виде иерархии, где выявляется определенная соподчиненность малых или локальных популяций более крупным популяциям. Локальная популяция — это свободно скрещивающаяся группа независимо от того, происходит ли скрещивание с другими популяциями регулярно или эпизодически. В любом случае она представляет собой некую репродуктивную единицу, через которую только и может происходить изменение ее генетического состава, что в дальнейшем может стать достоянием крупных популяций¹³. Локальные популяции являются наиболее открытыми (за исключением строго изолированных), панмиксными, в которые постоянно вносятся гены за счет иммиграции. Об интенсивности притока генов можно судить по фенотипическим изменениям в локальной популяции. Следовательно, в биологии «именно локальная популяция представляет собой ключ к решению всех эволюционных проблем. Каждый высший таксон изначально возникает как локальная популяция какого-то вида»¹⁴.

Иерархичность популяционной системы равным образом характерна и для человека. Если этнос выступает в качестве крупной популяции, то в пределах его должны быть и субпопуляции, которые выполняют роль локальных популяций. Иерархическая структура этноса, существовавшая в первобытном обществе, отражает определенную соподчиненность отдельных социальных образований. В самой общей форме этот иерархический ряд этноса выглядит следующим образом: род или родовая община, затем племя, соплеменность или группа родственных племен¹⁵.

Таким образом, на низшей ступени в социальной иерархии этноса находится род или родовая община. Как известно, род экзогамен. Но родовой коллектив в «чистом» виде не существует. Он постоянно интегрирует в свой состав индивидумов, пришедших по браку из других родов. Именно так формируется община, которая является самостоятельным социальным организмом и элементарной единицей этноса¹⁶. Именно в таких коллективах при соблюдении родовых семейно-брачных норм создавались семьи, формировался круг брачных связей, осуществлялось воспроизводство новых поколений. Такая первобытная община и представляет собой искомую локальную популяцию в народонаселении первобытного общества. Она являлась наиболее открытой экзогамной репродуктивной единицей и с популяционной точки зрения далее неделимой. Именно в таких локальных популяциях, по мнению Ю. Г. Рычкова, были «сведены до минимума факторы, ограничивающие панмиксию, в них же осуществлялось воспроизводство генофондов и в ходе поколений перестраивалась генетическая структура, по которой мы судим о прошедшей эволюции»¹⁷.

¹³ Грант В. Эволюция организмов. М., 1980. С. 24—26.

¹⁴ Майр Э. Популяции, виды и эволюция. М., 1974. С. 388—389.

¹⁵ Арутюнов С. А., Чебоксаров Н. Н. Передача информации как механизм существования этносоциальных и биологических групп человечества//Расы и народы. М., 1972. 2. С. 24—25; Арутюнов С. А. Этнические общности доклассовой эпохи//Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. С. 66.

¹⁶ Маретина С. А., Семенов Ю. И. Обсуждение статьи М. М. Громыко «Место сельской (территориальной, соседской) общины в социальном механизме формирования хранения и изменения традиций»//Сов. этнография. 1985. № 1. С. 70, 75.

¹⁷ Рычков Ю. Г., Яцук Е. В. Указ. раб. С. 23.

Локальная популяция постоянно «отсылала» часть своего генофонда в другие локальные популяции и соответственно «получала» такую же долю генофонда чаще всего из третьих популяций. Именно этими локальными популяциями формировалась сложная сеть брачных связей, которая не была постоянной и менялась от поколения к поколению, что способствовало установлению генетического равновесия в пределах крупной популяции и сопряженного с ней этноса.

На этом низшем уровне популяционной системы и решалась судьба крупных популяций, так как «прорыв» их генетического барьера осуществлялся локальными популяциями путем вовлечения чужеродцев в круг брачных связей. Наиболее существенные коррективы в круг брачных связей вносила подвижность общин, смена мест обитания и миграция. Именно на уровне локальных популяций в первобытном обществе зарождался и реализовывался этногенез. Поэтому ключ к раскрытию проблем этногенеза находится в локальных популяциях.

Все сказанное позволяет сделать один общий вывод. В первобытном обществе иерархия популяционной системы жестко связана с иерархической структурой этноса¹⁸, где от первобытной общины, образующей основу этносоциальной и популяционной иерархии, равным образом зависит этническая и генетическая судьба этноса и соответствующей ему крупной популяции.

Рассмотрим теперь вопросы, связанные с практическим применением популяционного подхода при анализе палеоантропологических материалов, используемых в качестве этногенетического источника.

В этой связи необходимо рассмотреть, что представляет собой отдельный могильник — основной источник палеоантропологических серий. В археологии бытует представление, что могильник является местом погребения родовых коллективов. Поскольку родовой коллектив постоянно включает в свой состав индивидуумов, пришедших по браку, то логичнее считать такой могильник местом погребения членов первобытной общины. Поэтому всех погребенных в одном могильнике с достаточным основанием можно рассматривать как локальную палеопопуляцию, а палеоантропологическую серию как выборку этой палеопопуляции. Очевидно, могильник может быть оставлен и несколькими родовыми коллективами, а в некоторых случаях он может быть и местом погребения отдельного племени.

Однако в любом из этих случаев все погребенные в одном могильнике будут представлять палеопопуляцию, только разных уровней. Этот вывод со всей очевидностью вытекает из выявленной нами в первобытном обществе жесткой связи популяционной системы с иерархией этнической структуры.

Является ли могильник местом захоронения членов первобытной общины, фратрии или племени, в каждом отдельном случае погребенные в нем при жизни были разного уровня этносоциальными единицами какого-то этноса, которому соответствовала определенная палеопопуляция. Поэтому любую палеоантропологическую серию, представляющую отдельный могильник, с достаточным основанием можно рассматривать как палеопопуляцию.

Поскольку в любом функционирующем социальном организме первобытного общества, будь то первобытная община или племя, социальные связи образуют целостную систему, можно предполагать, что и могильник, оставленный таким коллективом, будет организован соответственно существовавшим социальным связям; поэтому его можно рассматривать и изучать как замкнутую систему. В этом случае следует ожидать,

¹⁸ По-видимому, степень сопряженности локальной популяции и первобытной общины будет разной в таких обществах, как бродячие охотники и собиратели и оседлые ранние земледельцы. Характер сопряженности локальной популяции с элементарным социальным организмом, очевидно, определялся конкретным хозяйственно-культурным типом и соответствующим ему образом жизни. Однако в целом это не противоречит выводу о строгой сопряженности популяционной системы с иерархической структурой этноса.

что характер родственных и социальных связей, существовавший при жизни между членами коллектива, должен предопределить не только их погребение в одном могильнике, но и обусловить определенный порядок в размещении погребенных на площади могильника, соответствующий их полу, возрасту, социальной или имущественной дифференциации и семейно-брачным отношениям.

Этот вывод о непременно отражении в могильнике тех социальных связей, которые существовали при жизни между членами коллектива, оставившего могильник, является основополагающим для реконструкции палеопопуляции, протекавших в ней этногенетических процессов и изучения общества в целом.

Палеоантропологическая серия черепов, представляющая палеопопуляцию, хранит огромную информацию, в том числе и этногенетическую, которую мы, пользуясь традиционными методами анализа, по-видимому, безвозвратно теряем. Укоренившиеся же традиции в наших палеоантропологических исследованиях способствуют полному отчуждению палеоантропологических серий от некогда существовавших живых коллективов и переносу их в некую абстрактную сферу математических закономерностей.

Основным методом изучения палеопопуляции и выявления происходивших в ней генетических процессов может быть только комплексный, междисциплинарный метод, где должны быть использованы все возможные антропологические и археологические данные о погребенных в одном могильнике. На первый взгляд это может показаться банальной истиной, так как археологические сведения в том или ином объеме обычно используются антропологами. Однако археологические сведения недостаточно привлекать выборочно¹⁹. Необходимо обратиться к могильнику как к замкнутой системе и выявить все многообразие связей между всеми ее элементами. Осуществить это можно только в тесном сотрудничестве с археологом — руководителем раскопок могильника. Отправной точкой в таком исследовании должна служить микротопография погребений, т. е. сам план могильника. Характер связи расположения погребенных с их половой принадлежностью, возрастом, антропологическими особенностями, погребальными традициями, сопровождающим инвентарем и т. д. позволит выявить в пределах конкретного коллектива характер и структуру семьи, семейно-брачные нормы, в случае неоднородного антропологического состава — характер смешения, направление потока генов, а также демографическую и социальную структуру общества.

Назовем вопросы, которые должны интересовать исследователя, приступающего к изучению древнего могильника: погребены ли отдельно мужчины и женщины, имеются ли отсутствуют на могильнике гнезда семейных погребений, образуют ли какие-либо погребения отдельные площадки на могильнике, выделяются ли они по погребальному обряду, сопровождающему инвентарю или антропологическим особенностям? Где локализованы могилы детей, связаны ли они с мужскими или женскими погребениями, имеются ли различия в топографии могил детей и подростков? Где расположены те погребения, в которых найдены черепа, отличающиеся антропологически от большинства других и нередко зачисляемые нами в разряд «механической смеси»? Если они происходят из семейных гнезд, то это будет прямым указанием на происходившее смешение. Имеется ли повторяемость в этом явлении? Выявление всего многообразия закономерных связей между самыми различными элементами, представленными отдельным могильником, даст возможность исследователю не только проникнуть в жизнь того коллектива, которым

¹⁹ Равным образом и в археологическом исследовании могильника антропологические данные должны привлекаться не выборочно, а в полном объеме. Сложившаяся практика разделения археологического и палеоантропологического материалов одного могильника с последующим их анализом как самостоятельных источников не оправдана по той причине, что так мы искусственно разъединяем единое целое на две части, самостоятельно не существовавшие, что влечет за собой потерю важной научной информации.

оставлен могильник, но и в корне перестроил научное мышление самого исследователя относительно изучаемого объекта, что также крайне важно.

Конечно, из-за неудовлетворительной сохранности некоторых палеоантропологических серий, такой анализ в полном объеме осуществить не всегда возможно, но в любом случае элементы комплексного анализа должны присутствовать в исследовании каждой палеоантропологической серии. Если палеоантропологические серии разной сохранности будут представлены несколькими могильниками одной археологической культуры, то картина получится более полная и позволит судить о протекавших этногенетических процессах в пределах этноса.

Следует заметить, что данные о половой принадлежности и возрасте погребенных — очень важный источник для изучения палеопопуляции и структуры общества в целом, поэтому необходимо учитывать и изучать любые костные фрагменты, сохранившиеся в погребениях.

Остановимся на некоторых примерах, которые помогут более конкретно представить роль социального механизма в перестройке генетической структуры локальной популяции и понять важность изучения могильника как замкнутой системы. Учет закономерностей в характере расположения на могильнике тех индивидуумов, которые составляют палеоантропологическую серию, особенно плодотворен в тех случаях, когда в круг брачных связей первобытной общины, оставившей могильник, включались чужеродцы, служившие источником перестройки генетической структуры.

Представим, что родовая община, оставившая могильник, мигрировала на данную территорию, где устанавливала брачные связи с местными общинами, характеризующимися совсем иным антропологическим типом. Тогда жены мужчин, если брак патрилокальный, будут иметь иной антропологический тип, чем у мужчин пришлої родовой общины. В этом случае так называемая «механическая смесь», которая нередко выявляется исследователями в палеоантропологических сериях, в действительности обусловлена экзогамными брачными узлами и патрилокальным брачным поселением, что и является тем источником, через который шел генный поток в изучаемую палеопопуляцию. Такие смешанные браки, если они образуют на могильнике семейные погребения, позволяют легко выявить исходные антропологические компоненты формирующейся локальной популяции. Но в родовых общинах, где ее пришлою часть составляют женщины-жены, т. е. при патрилокальном брачном поселении, только мальчики, родившиеся от смешанных браков, остаются в своей родовой общине, тогда как девочки, достигнув брачного возраста, переселяются в родовые общины своих мужей и после смерти будут погребены в другом месте, в могильнике родовых общин своих мужей.

Следовательно, в данной родовой общине при патрилокальном брачном поселении и постоянном круге брачных связей метисация в ряду сменяющихся поколений проявится вполне конкретным образом — только в мужской половине населения. Иными словами, генный поток в данную локальную популяцию идет только через женскую половину (через женщин-жен), но «накапливается» в мужской половине населения, так как девушки, родившиеся от смешанных браков, уходят, выйдя замуж, в другие родовые общины. В этом случае на могильнике женские погребения будут представлены преимущественно женами мужчин, пришедшими из родовых общин иного происхождения и соответственно в течение нескольких поколений могут представлять свой исконный антропологический тип без следов метисации.

Естественно, что в случае матрилокального брачного поселения, при прочих равных условиях, в антропологическом составе мужчин и женщин выявится обратная картина, что лишнее раз указывает на полную зависимость характера перестройки генетической структуры популяции от социального брачного механизма.

Таким образом, если могильник охватывает всего несколько поколений, то по антропологическому составу погребенных мужчин и женщин

можно судить о характере брачного поселения, а дополняющие сведения о форме семьи можно извлечь из анализа характера расположения на могильнике мужских, женских и детских погребений.

Если в круг брачных связей вовлечены популяции, представляющие собой два различных антропологических типа, то при патрилокальном брачном поселении антропологический тип мужчин в ряду сменяющихся поколений будет все больше сближаться с антропологическим типом женщин, через которых шел генный поток в популяцию. Если изучаемым могильником будет представлен именно этот хронологический срез популяции, то об исходном антропологическом типе населения нельзя судить по преобладающему метисному антропологическому типу мужчин. В таком случае исходный антропологический тип населения, основанного могильник, может быть представлен всего лишь незначительной долей мужских погребений и легко зачислен (при наших традиционных методах исследования) в разряд случайной механической примеси. Поэтому так важен анализ соотношения антропологических особенностей погребенных и микро топографии могил. Особенно важно учитывать последовательность совершенных погребений на могильнике, что может отразить хотя бы приблизительную картину сменяемости поколений. В любом случае важную научную информацию можно извлечь из сравнения черепов, полученных из погребений центральной части и периферии могильника.

Дуально-родовая организация совсем не означала, что связи по браку осуществлялись только между двумя постоянно брачующимися экзогамными родовыми коллективами. В действительности круг брачных связей нередко был весьма разветвленным не только при жизни одного поколения. Он менялся и от поколения к поколению.

Допустим, что на какой-то территории проживающие местные родовые общины были представлены двумя разными антропологическими типами. Если в эту неоднородную антропологическую среду мигрирует население совершенно иного антропологического типа, то впоследствии в круг брачных связей данной родовой общины могут быть вовлечены женщины местных общин, принадлежащие к двум разным антропологическим типам. К тому же мигрировавшее население устанавливало брачные связи с родовыми общинами и своей же этнической и расовой принадлежности. Поэтому при патрилокальном брачном поселении среди некоторой части женщин-жен данной родовой общины может быть представлен тот же антропологический тип, что и у мужчин исходной популяции. Таким образом, генофонд данной мигрировавшей популяции будет поддерживаться тем, что в круг брачных связей включены женщины родовых общин той же расовой принадлежности. В этом случае в ряду сменяющихся поколений метисацией не будет охвачено все мужское население. Но с другой стороны, если погребениями могильника будет представлен именно такой разветвленный круг брачных связей, то антропологический состав соответствующей палеоантропологической серии будет весьма неоднородным. Во-первых, в женской серии черепов будет отчетливо выражена так называемая «механическая смесь», так как на протяжении ряда поколений женщинами-женами могут быть представлены все три (обозначенные выше) антропологических типа женщин без следов метисации. Во-вторых, по той причине, что в круг брачных связей данной популяции вовлекались женщины и своей же расовой принадлежности, исходный антропологический тип населения, оставившего могильник, может дольше сохраняться среди определенной части мужчин и будет отчетливо представлен самостоятельным компонентом в серии мужских черепов²⁰.

Следует учитывать и то, что миграция нового населения нередко сопровождается военными столкновениями. В этих случаях закладка мо-

²⁰ Аналогичная ситуация выявлена в Кивуткалнском могильнике. См.: Денисова Р. Я., Граудонис Я. Я., Гравере Р. У. Кивуткалнский могильник эпохи бронзы. С. 112—162.

гильника могла начинаться с захоронения воинов, погибших в военных столкновениях. Поэтому та площадь могильника, где осуществлялись первые погребения, будет представлять погребенных одного исходного антропологического типа мигрировавшего населения. Это позволит в сложном антропологическом составе палеоантропологической серии выявить первоначальный антропологический тип мигрировавшего населения и объективнее раскрыть этногенетический процесс.

Группа родственных племен, мигрировавшая на значительное расстояние, расселяясь среди местного населения и осваивая новые земли, сталкивалась со сложной задачей сохранения своего этноса. Эта задача решалась в каждом отдельном случае по-разному. Иногда это выражалось в своеобразной форме ассимиляции, когда пришлые племена охотно поощряли браки с местными женщинами, но запрещали отдавать своих девушек замуж в местные общины. Такая односторонняя ассимиляция пришлыми племенами местных жителей получила название «ксеногамии» (чужебрачие) ²¹. Если в этом случае ксеногамия пришлых племен сопровождалась традицией многоженства, то ассимиляция местного населения могла произойти в сравнительно короткие сроки. Это обеспечивало сохранение этноса пришлых племен, но значительно изменяло антропологический тип мигрировавшего населения, так как извне был направлен мощный генный поток в популяции иммигрантов.

Картину такой односторонней ассимиляции можно раскрыть на палеоантропологическом материале, представленном синхронными могильниками местного и пришлого населения.

Именно так происходила тюркизация местного населения Малой Азии ²², где турки-кочевники, оседая на землях Анатолии, через ксеногамию сохранили и приумножили свой этнос, но изменили свой антропологический облик. Возможно, аналогично шел этногенез и у венгров после переселения на их современную территорию, что позволило им сохранить свой язык и этноним. Одну из причин сохранения этноса, или, напротив, утраты этнического самосознания, по-видимому, следует искать именно в характере системы брачных связей между мигрировавшими племенами и автохтонным населением.

Приведенные примеры не исчерпывают всего многообразия зависимости форм перестройки генетической структуры популяций от характера социального механизма брачных связей, но они достаточно наглядно показывают необходимость изучения этногенеза путем комплексного анализа могильника и палеоантропологической серии из него, которую следует рассматривать как локальную палеопопуляцию, раскрывая все ее характеристики: форму семьи, круг брачных связей, характер потока генов и демографической структуры. Все это позволит на строго научной основе оценить фенотипическое проявление перестройки генетической структуры популяции, происходившей в результате смешения и ассимиляции. Такой комплексный подход требует определенных знаний основных закономерностей развития первобытного общества. Любой исследователь, приступающий к изучению палеоантропологической серии, прежде всего должен уяснить, кем оставлен могильник — кочующими охотниками и собирателями, или оседлыми рыболовами и охотниками, или же ранними земледельцами, кочевниками скотоводами и т. д. Каким мог быть в этих обществах характер общественной организации или семейно-брачных отношений? Это позволит на более высоком профессиональном уровне сформулировать задачи исследования и выбрать методику анализа.

Все изложенное не оставляет никаких сомнений в значительной ценности не только мужских, но и женских черепов, представляющих один могильник. Мужские и женские черепа фактически являются важными и самостоятельными источниками, в которых скрыта разная, но взаимосвя-

²¹ Еремеев Д. Е. Роль кочевников в этнической истории // Расы и народы. М., 1982. 12. С. 32, 33.

²² Там же. С. 32.

полняющая информация. Поэтому будет в корне неверным основывать антропологическую характеристику популяции только на мужских черепах. Сравнительный анализ антропологического состава мужских и женских серий черепов одного могильника предостережет от ошибок в трактовке причин неоднородности палеоантропологической серии.

Трудности, возникающие в определении половой принадлежности черепов, чаще всего связаны с наличием в серии по меньшей мере двух антропологических типов. Особенно осложняется определение половой принадлежности черепов если мужская и женская серии представлены разными антропологическими типами или же имеются одни и те же антропологические типы, но в разной пропорции. Во всех этих случаях выявляющийся нарушенный половой диморфизм будет указывать на неоднородность антропологического состава изучаемой серии черепов, а суммарная серия женских и суммарная серия мужских черепов будет отражать всего лишь математически усредненные величины признаков, а не антропологические типы, существовавшие в действительности. Статистический внутригрупповой анализ всего лишь подтвердит неоднородность серии черепов, но не сможет объяснить действительные причины неоднородности. Поэтому так важен комплексный анализ с учетом топографии погребений на могильнике, который позволит выявить характер и причины неоднородности изучаемой серии черепов.

Все сказанное о краниологической серии одного могильника позволяет объективнее оценить сборные палеоантропологические серии, которые нередко представляют собою механическое, неоправданное, с популяционной точки зрения объединение черепов, вызванное стремлением увеличить их численность, что в действительности удовлетворяет лишь формальную сторону — математическую достоверность данных. В сборной серии искусственно объединяется целый ряд локальных популяций не только территориально далеко отстоящих друг от друга, но и представляющих собой самые разные хронологические уровни формирующихся популяций. Это относится и к тем палеоантропологическим сериям, которыми представлен один этнос или археологическая культура, охватывающая значительную территорию и нередко большой отрезок времени. В данном случае на одной границе единой в этническом отношении территории в круг брачных связей могут быть вовлечены популяции совсем иного происхождения, чем на противоположной. Объединение таких локальных популяций в одну крупную выборку будет чисто механическим, что никак не способствует раскрытию этногенетического процесса.

Конечно, могут быть и такие хронологические срезы, когда в популяционной структуре этноса наступало генетическое равновесие, и тогда объединение палеоантропологических серий будет оправданным, так как они в совокупности могут представлять крупную выборку большой популяции. Однако в каждом отдельном случае, когда такое объединение предпринимается, оно должно быть научно обосновано.

Мы попытались изложить популяционно-антропологический аспект этногенеза и связанный с ним комплексный подход к анализу могильника, представляющего палеоантропологическую серию, применение которого, по нашему мнению, должно способствовать изучению палеоантропологических серий на популяционном уровне, что позволит более полному и объективному извлечению этногенетической информации из палеоантропологического материала.